

Г.С. Смирнов, Д.Г. Смирнов

ИПОСТАСИ НООСФЕРНОЙ ИСТОРИИ

Ивановский государственный университет

Email: gssmirnov@mail.ru

В статье концепция ноосферной истории раскрывается через систему основных срезов целостного философского знания – онтологию, гносеологию, аксиологию и праксиологию. Синтез универсумно-семиотического, системно-синергетического и антропо-персоналистического подходов позволяет рассмотреть в качестве интегративного показателя ноосферной истории – совершенствование индивидуального и коллективного мирового разума.

Ключевые слова: ноосферная история, плеромная онтология истории, полигнозис истории, клионтос, клиооптимизм, личностно-деятельностная экзистенциальность, семиософия.

...я думаю, что ноосфера есть эмпирическое обобщение, которое должно выразиться в реальных формах.

В.И. Вернадский

XX век, в рамках которого произошло сразу две космо-мировоззренческие революции (эйнштейнианская и вернадскианская), меняет представление человечества о своем развитии – его организации, механизмах, масштабах, интенциональности. Рассматриваемый в контексте развития мирового духа и мирового разума, он предстает перед зрителем исторического процесса в качестве своеобразной точки бифуркации в сложных процессах самоорганизации истории.

Третье тысячелетие настойчиво предлагает человечеству переосмысление дальнейшего пути развития – ресурсы технократического освоения планеты заканчиваются. Техноразум, пестованный почти полтысячелетия, исчерпал свой экологический ресурс. Эпоха перехода биосферы в техносферу завершается – прежде всего, тем, что технопорядком освоена практически вся поверхность Земли, а, значит, эпоха, стартовавшая открытием Америки (1492 г.), пришла к своему закономерному финалу. Третьим тысячелетием открылась эпоха глобально-планетарной истории.

У этой новой истории – Big History – есть свои ипостаси: она может рассматриваться через контекст формирования мирового правительства, через антропологию акторов исторического действия, через совершенствования технобытия человечества, через демографическую эволюцию, через развертывание информационного или знаниевого пространства (третьего мира, по К. Попперу), через цивилизационный естествен-

ный отбор (А. Тойнби [52], Л.Н. Гумилев [17; 18]). Но она может быть представлена через своего рода интегративный показатель – через совершенствование (усложнение) мирового (коллективного и индивидуального) разума.

В этом случае можно говорить об особом измерении Большой истории – ноосферной истории. Эволюция разума во Вселенной предстает как история Ноосферы. Следует ли наряду с уже утвердившимися формами рефлексии Big History вводить еще один термин, пройдет ли термин «ноосферная история» проверку на «бритву Оккама»?

Действительно, планетарная масштабность представлена термином «глобальная история» («планетарная история»), общецивилизационная полнота задается понятием «всемирная (мировая) история», присутствие в онто-истории интеллекта «закрывается» историографическим феноменом «интеллектуальной истории». Когда все эти формы собираются вместе, начинает работать «универсальная история». Естественная «категориальная эволюция» свидетельствует об универсальном гносеологическом и эпистемологическом эклектизме.

Полигнозис истории – в форме «пусть цветут сто цветов» – предскажем, особенно применительно к постнеклассике в философии истории. Многогранность клиофилософского дискурса в историографическом плане – закономерна, но не в меньшей степени важна и «концептуальная полнота» одной идеи. Эта идея со времен Гер-

меса Трисмегиста, Платона, Христа, а, затем, и Г. В. Ф. Гегеля связана с тем, что главный и вечный двигатель истории – это эволюция человеческого сознания и человеческого разума. Так и проявляется, в конечном итоге, необходимость обсуждения феномена «ноосферной истории».

Приведем несколько аргументов в пользу целесообразности введения нового критерия в методологическом понимании истории. Первый – исторический. Ноосферный концепт истории отчетливо обозначил себя в XX веке. Именно в эпоху всеобщего человеческого безумия – в период мировых войн – проявилась «воля к разуму» [13, с. 113-120] (которая все время замещалась то «волей к власти», то «волей к inferно», то «волей к безумию»): мысль В. И. Вернадского о биосфере (1926 г.) [9] трансформировалась в мысль о пневмосфере П. А. Флоренского (1929 г.) [54, с. 272-293]; предопределила мысль Э. Ле Руа (1927 г.) [60] и П. Тейяра де Шардена о ноосфере [50; 51], вернувшуюся, в конечном итоге, обратно к В.И. Вернадскому (1938 г.) [12]. Так произошло вторжение ноосферной истории в клио-универсум. Развитие культуры на стыке Европы и Азии (европейства и евразийства) породило клио-ноосферный дискурс.

Онтология ноосферной истории

Онтология истории – не самая жгучая проблема в условиях субъективизации истории (в форме личностности, повседневности, самоидентичности, приватности, персоналистичности и т.д.). Онтология истории наиболее ярко проявлялась в географическом и экономическом детерминизме (что было характерно для философии истории и социальной философии XVIII–XIX веков), в XX веке отчетливо проявил себя космический (космо-планетарный) детерминизм, который в действительности предстает как индетерминизм (в поле понимания постнеклассики).

Космопланетарная онтология истории делает Big History по-настоящему фундированной – полидетерминизм практически превращается в *самодетерминизм*, в котором индетерминизм заключается не только в том, что мы не можем найти (определить) причину исторического процесса (она оказывается в сознании), но мы не можем и утвердиться в модели причинно-следственного характера «внешнего» исторического процесса. Причина оказывается «нематериальной», то есть приобретает статус виртуально-сознаниевой беспричинности (псевдопричинности). Мы не в состоянии указать на *причинение сознанием*, ибо спонтанность сознания может обнаружить истоки и в подсознании, и в сверхсознании, а не только (и не столько) в самом «собственно сознании» [24].

Клиопостнеклассика фактически растворяется не в факте (то есть эмпирической «вещи-в-

себе»), не в студиях текстуальности, и даже не в языке клиосознания (языковой пост-истории в отличие от текстовой пост-истории), а в самом клиосознании – родовой космо-планетарной укорененности человека в метаисторическом поле бытия, которое может быть названо «за-историей».

«His-story» (мужская история «косного вещества» – конкретный набор фактов с отсутствием диспозиции) весьма возможно превратится в «Her-story» (женскую историю «живого вещества» с естественной экзистенциальной бытийностью), а затем, и в «It-story» (в которой «it» имеет возможность превратиться в «id», то есть из «оно» превратиться в «Оно»), которая не становится онтоисторией только по причине необъемлемого универсального состояния любой истории (не важно какой – «истории», «Истории» или «ИСТОРИИ»).

«Клионтос» – история как сущее – в большой истории философии задается только Разумом, конкретная проявленность которого обозначается в искрах человеческого сознания. Распредмечивание и опредмечивание – это и есть взаимовыворачивание «исторической ленты Мёбиуса», в которой материальное предстает как вывернутое наизнанку идеальное. «Мате-реальное» корреспондирует с «идеа-реальным»: такая форма тождества бытия и мышления, свойственная Гегелю, по-своему протivotожественно истолковывалась в марксизме через категории «базис» и «надстройка», но в XX веке информационно-сознаниевое измерение заставляет усмотреть главную сущность – в историчности мысли (а, значит, мышления как ко-эко-процесса бытия и сознания как ко-эко-результатности). Причинность истории оказывается спрятанной в «промежутке» континуальности и дискретности сознания (и сознания человека, и сознания общества, и сознания человечества).

История очень часто делает «заступ» сознанием (как прыгун в длину) и эта попытка не засчитывается. Тогда, удрученное клиосознание находит в себе силы сделать (реализовать) вторую попытку. (Впрочем, опыт показывает, что у клиосубъекта может уже не оказаться второй попытки, ее будет делать кто-то другой, наблюдавший неудачу и осознавший осечку исторического действия.) Именно по этой причине следовало бы сказать, что главный астор (и актёр) истории – именно разумосознание; все остальное лишь «постпервотолчок», в силлогистике которого всегда разобраться (как кажется) намного легче.

Клиоонтология, присущая П. Тейяру де Шардену и В.И. Вернадскому, существенно отличны друг от друга. Условно их можно было бы обозначить как «клио-тео-онтология» и «клио-гео-онтология». При этом необходимо иметь

ввиду, что и та и другая – фундированные онтологии, хотя и по-разному фундированные.

Интересно проследить комплементарность выводов, *эмпирических обобщений* у П. Тейяра де Шардена и В. И. Вернадского. Эта комплементарность в значительной степени предстает в русле принципа дополнительности: корпускулярная и волновая модели ноосферной истории позволяют в каких-то сюжетах сказать себе, что видимость понимания достигнута, а затем постараться подняться чуть выше, в высоком соприкосновении узревая *герметическую* онтологию разума.

Пирамидион High-story – это концепт, главный смысл, который определил для себя субъект (актёр) истории – человек, и за который он, по существу, отдает свою жизнь в форме «доживания» или «недоживания». В «high-story» – высокой истории – именно смысло-сознания и соревнуются в пускании мыльных клиопузырей, в выпуклых боках которых можно увидеть образы постреальности, всегда искаженной до неузнаваемости, но всегда проецируемой в модели обратной перспективы: это означает, что человек всегда вынужден смотреть на выпуклую поверхность, но всегда хочет себя представить внутри этого мыльного пузыря, чтобы стать центром мира, в котором, к сожалению, он уже не сможет увидеть то, что ему было дано видеть за его пределами

Плеромная онтология истории заставляет представить картину, нарисованную разноцветными зернышками (как это сейчас модно в искусстве). Бродить среди зернышек крайне интересно, каждый исторический факт – источник полноты, но увидеть, что эта картина представляет собой в целом, можно только «поднявшись над ней» и попытавшись схватить «единое-целое». И В.И. Вернадский, и П. Тейяр де Шарден схватили эту эмпирическую картину по-разному: у Вернадского это были биогеохимические принципы, у Тейяра – закон сложности и сознания. Но и в том и в другом случае эта картина оказалась ноосферной.

Разум мира рисует сам себя, чтобы в каждый следующий момент, увидев свое иное, сделать его более совершенным (красивым, истинным и добрым) и, каждый раз находя в созданном, повод для дальнейшего совершенствования.

Совершенствование мира и совершенствование разума (что фактически означает «самосовершенствование мира» и «самосовершенствование разума») – это и есть формула ноосферной истории в онтологической формулировке.

Полигнозис ноосферной истории

Второй философской ипостасью ноосферной истории является гносеология. Вытекающий из онтологического анализа *концепт разума* в

сложноисторической системе, которая может рассматриваться и как сверхсистема, в которой в действительности присутствует мета-концепт (то есть пока лишь интуитивно вычленяемый Разум с большой буквы или РАЗУМ большими буквами), не предполагает в силу своей всеобщности моно-методологии; даже ду-методологии (типа диалектического или исторического материализма, деизма или дуализма, субъективного или объективного идеализма и т.д.) не обеспечивают полноты голографической картины исторической реальности. Очевидно, для описания ноосферной истории помимо традиционных методологических кластеров, ставших своего рода джентльменским набором, следует искать не просто дуальности, а двойные и тройные дуальности в методологическом поле системы философских координат.

Таким четырехмерными методологическими формами, на наш взгляд, могут служить универсумно-семиотический и системно-синергетический подходы – своего рода две двойные спирали, кодирующие генетические структуры ноогенеза в форме ноосферной истории. Есть еще и третья пара методов, в которой ноосферная история приобретает «человеческое измерение» – это антропо-персоналистическая методология. Она не исключает традиционное субъектно-личностное измерение описания любого исторического процесса, имеющее место в формационном подходе и различных вариациях цивилизационного подхода; тем более в многообразных вариантах синтеза цивилизационно-формационного и формационно-цивилизационного подходов в теоретических моделях последних десятилетий. Существенно важно, что антропо-персоналистическая методология в своем философско-космическом выражении (в русле широкого понимания русского космизма) касается универсумно-семиотической методологии, что своеобразно закольцовывает триаду парных принципов в общий синтез ноосферно-универсумной методологии.

Заметим, что такого рода синкретическая методология не является выражением постмодернистских традиций в философии истории. Это попытка (и она может рассматриваться в ряду других теоретических синтетических курсов) построения своего рода «колокольни» методов, с которой звучит не какофония, а гармония – гармоническая ноосферная история.

Рассмотрим по-отдельности эти три методологические пары. Универсумно-семиотический взгляд на историю достаточно «древен», как взгляд языческо-эмпирический или космоиероглифический, но в теоретическом плане он начал формулироваться в древнегреческой традиции, а в классическом философском

выражении представлен трудами Ч.С. Пирса [37–38; 61; ср.: 47].

Суть его представляется в следующем. Универсальная линия в мировой философии всегда предполагала синтез противоположностей. В общем выражении – это попытка соединить атом и эйдос в философском дискурсе Аристотеля, Г. Лейбница, Н. О. Лосского, Х. Ортега-и-Гассета [44]. В этом плане ноосферно-универсумное видение мира в работах В.И. Вернадского и П. Тейяра де Шардена – следующий значительный шаг в развитии универсумной линии. Само это видение родилось в значительной степени из естественнонаучных и естественноисторических исследований обоих ученых – прежде всего, из их геологических, палеонтологических и минералогических интересов. История человечества – есть своеобразное продолжение истории планеты, а духовная (ноосферная) эволюция и кристаллизация предстает как своеобразное продолжение геосферных эволюций и кристаллизаций.

Универсумно-семиотический подход применительно к ноосферному универсуму детально проанализирован в работах Д.Г. Смирнова [45; 46]. В неэксплицированном виде универсумная семиотика характерна и для российского космоисторического сознания, прежде всего, широких слоев населения страны, в частности – русского крестьянства. Обмен знаками от мыслей можно усмотреть в многообразной торговой деятельности, когда задуманная «вещь-как-знак» превращается в «вещь-как-предмет». Говорение знаками подарков между людьми – тоже из разряда универсумно-семиотического диалога. Это можно увидеть и в общении с природой: когда человек усматривает смысл в знаках природы и сам посылает природе некие знаки, в надежде, что она их воспринимает и, соответственно, прочитывает (в этом и проявляется универсумное мировоззрение).

Эта универсумно-семиотическая герменевтика просматривается в трудах Р. Барта [3], У. Эко [57; 58], А. Тарковского [49], П. Козьмо [25], Ошо [35] и многих других. В значительной степени вся русская литература, начиная со «Слова о полку Игореве», демонстрирует различные формы универсумно-семиотического диалога. Взгляд на исторический процесс через семиотические очки в силу этого может быть весьма продуктивен и в понятном, и в теоретическом планах [1, с. 426–444; 2, с. 3-13; 8; 26; 55].

Системно-синергетическая методология более изучена и апробирована. Прежде всего, в отечественной традиции она представлена работами Н.Н. Моисеева, который в значительной степени отталкивался от трудов В.И. Вернадского и П. Тейяра де Шардена. Думается, что форму-

ла системно-синергетической методологии укладывается в «универсальный эволюционизм», характерный для философского мышления академика-математика Н.Н. Моисеева [31–33]. Очень существенно и то, что из сферы методологических построений он открыто вторгся в сферу современной ноосферной истории, о чем убедительно свидетельствуют его последние работы [29; 30, с. 77-79].

Не будет преувеличением сказать, что в классическом выражении системно-синергетический подход представлен в работах и самого В. И. Вернадского, в которых сферность (системность) и организованность (синергетичность) в значительной степени выражают идеи космического эволюционизма. Отметим, что как в творчестве В.И. Вернадского эволюционное сознание занимало очень важное место [34, с. 25-34], так для П. Тейяра де Шардена был характерен вселенский ноосферный эволюционизм [41].

Методология ноосферной истории была бы неполной без антропологического измерения. Стараясь превратить историю в науку, ученые делают акцент на онтологических, объективных, материалистических методах репрезентации. При этом главный персонаж истории – действующий человек – оказывается в тени больших материально-технических и социально-экономических факторов. Усиление антропо-персоналистического измерения ноосферной истории необходимо по причине того, что *индивидуальный разум человека* в его генетическом, культурологическом или лично-индивидуалистическом выражении может всегда выйти в масштаб универсума, обрести глобальность бытия. Важно отметить, что в творчестве П. Тейяра де Шардена ноосферно-универсумный подход предстает как философско-методологически подчиненный «феномену человека», то есть антропологической доминанте.

Рассмотрение ноосферной истории в ключе русской [22; 23; 27; 28; 59, с.187-205], немецкой [15, с. 37-51; 39, с. 96-151; 56] и американской [4–7] антропологии XX века позволяют достроить недостающие звенья методологической и когнитивной комплементарности в изучении человеческой эволюции разума.

Аксиология ноосферной истории

Аксиология ноосферной истории предстает, по крайней мере, в четырех срезах: религия, философия, наука и искусство. Так представлял себе полноту знания В.И. Вернадский [14].

Сам мыслитель наиболее подробно в научном плане рассмотрел аксиологическое измерение науки в ноосферной истории [11; 12]. Однако в его дневниковых записях, письмах и публицистических статьях ценностная сторона

лично-ноосферной и социально-ноосферной истории представлена не менее фундаментально и значительно более ярко в эмоционально-персоналистическом плане [10]. Таким образом, наследие В.И. Вернадского дает представление о том, что можно было бы назвать *лично-персоналистическая ноосферная история*. Он рассматривает процессы становления ноосферы в контексте развертывания науки как планетного явления (в этом проявляют себя онтологические и гносеологические аспекты ноосферной истории), вместе с тем это деятельность как мыслителя и человека опирается на аксиологию и этос науки: его система ценностей опиралась на аксиологическую тетраду «свобода, альтруизм, истина, сомнение».

Диалектика аксиологического среза социальной действительности раскрывается в категориях «мораль» и «нравственность» (по аналогии: часть – целое). Отождествление этих понятий в рамках философского дискурса выглядит не совсем оправдано. Современная этика стоит на позициях терминологического разведения названных категорий.

Мораль понимается как понятие, отражающее совокупность обычаев, традиций, поведенческих программ, соответствующих определенной семиосфере (определенному культурному хронотопу, фиксированному в пространстве и времени). Так, мы говорим о нравах (в противовес нравственности), или морали дворянства, купечества, духовенства, подчеркивая их изменчивость во времени и зависимость от культурного пространства. Таким образом, мораль может быть определена как модус конкретно-исторической социальной субстанции.

Нравственность (с формально логической точки зрения понятие абстрактное) – это атрибутивное свойство индивидуального и общественного сознания. В отличие от морали, нравственность существует в вездечности. Синхронно с ростом разума, сознания происходит разворачивание нравственности в формах морали, конкретно исторических формах материального бытия. Если принять этот тезис, то эволюция морали идет в направлении объективации, абстрагирования (отчуждения) от обстоятельств, условий внешней среды.

Мораль, исходя из данного определения, предполагает определенную оценочность (на предмет соответствия поведенческим нормам). Следование морали, как показывает практика, мотивировано. Эта мотивированность связана с феноменом воздаяния – наказания или поощрения: субъект поступает определенным образом в силу страха перед наказанием или по причине желания поощрения. Нравственность как данность лишена привязки к моменту воздаяния.

«Относись к другому так, как Ты хочешь, чтобы он относился к тебе». «Возлюби ближнего своего как самого себя». «Всегда относись к другому как к цели и никогда как к средству» («Мера поведения субъекта определяется мерой его соответствия окружающей среде»). Эти три исторические модели морали, соответственно относящиеся к античной, средневековой и истории нового времени, наглядно демонстрируют эволюцию понимания морали: от «условной морали» к «морали безусловной». В античной традиции определяющую роль играет принцип талиона (трактующий в широком смысле как принцип адекватной реакции), что предполагает сохранение любыми способами целостности личности. Средневековая модель морали, изначально закрепленная десятью заповедями, основывается либо на страхе перед божьей карой, либо на желании лучшей жизни после земной смерти, как главных регулятивных принципах поведения.

Философия Нового времени и последовавшая за ней философия XX века демонстрируют принципиально иной подход к самой постановке проблемы морального и нравственного. Предложенный И. Кантом императивистский подход предполагает следование субъекта безусловно моральному требованию, что находит свое воплощение в категорическом и экологическом императивах.

В рамках системного подхода отношение разумности задает свойство нравственности (истинно разумное с необходимостью нравственно). Обратим внимание, что категория нравственности носит объективированный характер – нравственность как бы отчуждена от человека, – это, если так можно выразиться, космический закон отношений между «телами». В конфуцианской (прагматической) традиции – это принцип «ли» (принцип ритуала), в кантовской (субъективно-идеалистической) интерпретации – это категорический императив, в моисеевской (социоприродной) трактовке – это экологический императив, определяющий отношения между организмом и его средой обитания сколь бы обширна она ни была.

Таким образом, аксиологическое измерение ноосферной истории может рассматриваться как эволюция императивов: от «золотого правила нравственности», к «кантовскому категорическому императиву», затем к «основному моральному отношению», к «экологическому императиву» и, наконец, собственно к «ноосферному императиву», который вбирает в себя предыдущие формы нравственной рефлексии по отношению ко все большему увеличению топологии мира, превращения человека в человечество, живущее в рамках космопланетарной размерности

бытия, что и обеспечивает, в свою очередь, эволюционные скачки сознания и разума.

Обратим внимание на то, что в этико-методологическом плане логика ноосферной истории утверждается через основное моральное отношение «общее благо – высшая цель, личное благо – конечная цель» (Г.Н. Гумницкий) [20; 21, с. 20-31].

Императивный подход к ноосферной истории подчеркивает ее основные траектории, но оставляет ощущение некой схоластичности, которая есть повод более внимательно продумать древо ноосферной целе-рациональности. От корневой системы триады «истина – добро – красота» идет мощный аксиологический ствол, который и порождает «ветви» императивов, характерных для европейской ноосферной истории. Но было бы несправедливо, если бы в систему аксиологии ноосферной истории не вошли восточные типы целе-рациональности. Модусы «инь–ян», «дао–дэ–у-вей», «брахман–атман» – неотъемлемые формы ноосферной истории.

Аксиологический универсум глобальной ноосферной истории проистекает из общемирового философского процесса, и в этом смысле квинтэссенцией ноосферной истории человечества является именно философский процесс, который в значительной своей части нельзя отделить с одной стороны от религиозной, а с другой, от научной составляющей общего процесса перехода биосферы в ноосферу.

Философский синтез ноосферной истории при этом, конечно же, включает и меры «поу-ипостасности», каждая ипостась культуры – наука, философия, религия, искусство – имеют свое представительство в метадетерминации эволюции человеческого разума, то есть в ноосферной истории.

Праксиология ноосферной истории

В некоторых системах построения целостного философского знания раздел «праксиология» отсутствует в силу того, что считается уже отраженным в аксиологической ипостаси. В нашей статье мы принимаем точку зрения Г.Н. Гумницкого, который выделяет праксиологию в качестве самостоятельной и существенно значимой ипостаси философии [19].

Дело в том, что праксиология как она отчетливо предстает уже во второй половине XX века может рассматриваться как способ реализации ноосферных и антиноосферных процессов: локальное деяние человека в прежние века человеческой истории чаще всего оставалось локальным. Лишь царям и другим величественным персонам можно было претендовать на присутствие в глобальной (мировой) истории.

В современной инфо-истории личностно-деятельностная экзистенциальность в любой мо-

мент может стать глобальной бытийностью. Ноосферная праксиология предстает как неотъемлемая и самая трагическая часть ноосферной истории. В точке бифуркации ноосферной истории каждое деяние, от какой бы единицы глобальной истории оно ни исходило, приобретает способность к мультипликации. Современные «цветные формы» антропо-исторической деятельности – своего рода «крики и вопли» ноосферности – знаки того, что ноосферный метапраксис становится главной движущей силой ноосферной истории. Именно потому столь значимым оказываются «человеческий потенциал», «человеческие ресурсы», «человеческое качество» [36].

Предшествующее изложение праксиологии ноосферной истории требует некоторого разъяснения посредством примера. Это разъяснение может быть представлено через герметический принцип подобия: «что вверху, то и внизу», «что внизу, то и вверху». Формулой репрезентации ноосферной истории практически всегда являлась интеллигенция [42; 43, с. 3-21, 4-28].

Интеллигенция, в том виде, в котором она существовала в начале XX века и существует в начале нынешнего, реализует в своей жизнедеятельности экологический императив. Она являет собой своеобразную «социальную популяцию», автотрофную (субстанциальную) в своем социокультурном существовании. Она не мешает своей окружающей среде, а среда фактически не мешает ей. Именно такое, во многом уникальное, положение в социальном космосе (перефразируя М. Шелера) и позволяет интеллигенции, абстрагировавшись от конъюнктурной ткани истории, *почувствовать* те нити, которые составляют ее почти невидимый каркас – «нити разума», сплетающиеся в ноосферную историю.

Интеллигенция в ряду других социальных групп (страт) выделяется благодаря трем качествам, которые и позволяют ей претендовать на статус «паломника в будущее» (термин С. Г. Семеновой) мировой цивилизации. Во-первых, это автотрофный (субстанциальный) *способ бытия* интеллигенции, предполагающий существование «как бы самой по себе», но не как «если бы ничего не было». Во-вторых, это универсумно-семиотический *способ мышления (познания)*, позволяющий максимально абстрагироваться от реальной действительности, познать сущность вещей за их явленностью нам. Это эколого и нравственно сообразный *способ действия*, который характеризуется обостренным чувством ответственности за бытие (прошлое, настоящее и будущее; свое, других и мира в целом).

Интеллигенция в социокультурном дискурсе играет роль своеобразного врачевателя «футурошока» – феномена боязни будущего, зафиксированного А. Тоффлером [53]. В ее среде

глубоко осмысливаются перемены, происходящие в современном мире, где укон и меон; хаос и космос становятся почти не разделимы [40], возникают мировоззренческие системы и модели, позволяющие человеку адаптироваться к новой постоянно ускользающей реальности. Современное общество требует от семиотического субъекта принятия все более скорых автоматических «техногенных (инстинктивных) решений», совершенно не оставляя ему времени на «ноосферные раздумья».

Инстинкт – детище биосферы – представляет собой тысячами отработанный автоматический декодер для сигнала внешней среды. Абстрактное мышление усложняет путь прохождения сигнала от этапа чувственного восприятия до практического действия. Развившееся в формах восприятия от сигнала к символу, оно предстает как своеобразное торможение природного посыла, его раскрытие (замирание) во времени и, соответственно, в сознании.

Именно в таком «замершем времени» живет российская интеллигенция. Это ноосферное качество позволяет ей решать задачу формирования определенной, «нужной», «заданной» реальности – реальности ноосферы. При этом ноосфера понимается не только как идеальная социокультурная организация, но и как сфера коллективного разума и коллективного бес-сознательного, обеспечивающая коэволюцию индивида и его ближнего и дальнего космоса, ориентированная на созидание и гуманистические ценности.

Изучение личностных (научных, образовательных, религиозных, художественных, философских) семиотических программ позволит в полной мере спроецировать модель ноосферно-семиотической истории на реалии российской действительности, так как именно в ней представлены образцы конструирования общенаучной картины мира, которая «поможет нам построить будущее, хоть немного похожее на наши мечты» (Б. Шоу).

* * *

В герметической философской традиции принцип подобия утверждает: «то, что находится внизу, соответствует тому, что пребывает сверху; и то, что пребывает сверху, соответствует тому, что находится внизу, чтобы осуществить чудеса единой вещи» [16]. Феномен ноосферной истории в максимальной степени иллюстрирует этот принцип: человек в его материально-идеальной, духовно-телесной и корпускулярно-волновой природе («то, что находится внизу») соответствует развёртыванию разума в формах космопланетарного бытия, а ноосферная история («то, что пребывает сверху»), в свою очередь, соответствует тому человеческому качеству, человеческому

потенциалу (интенциональности и пассионарности), субъективному фактору, которые формируются в конкретно-исторических условиях перехода биосферы в ноосферу. Чудеса же Единой Вещи – еще один немаловажный повод для проговаривания шагов ноосферного развития и ноосферной истории.

Список использованной литературы

1. Аверинцев С.С. Византийский культурный тип и православная духовность: некоторые наблюдения // Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 426–444.
2. Аверинцев С. С. Два рождения европейского рационализма // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 3–13
3. Барт Р. Система моды: Статьи по семиотике культуры. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 512 с.
4. Бейтсон Г. Разум и природа: неизбежное единство. М.: КомКнига, 2007. 248 с.
5. Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума: Избранные статьи по теории эволюции и эпистемологии. М.: КомКнига, 2005. 248 с.
6. Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума: Избранные статьи по антропологии. М.: КомКнига, 2005. 232 с.
7. Бейтсон Г. Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000. 476 с.
8. Бычков В.В. Художественный апокалипсис культуры. Строматы XX века. В 2 кн. М.: Культурная Революция, 2008. 816 с.
9. Вернадский В.И. Биосфера. Мысли и наброски. М.: Изд. дом «Ноосфера», 2001. 244 с.
10. Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934. М.: Наука, 2001. 456 с.
11. Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М.: Наука, 1981. 359 с.
12. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
13. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. 1944. № 18. Вып. 2. С. 113–120.
14. Вернадский В.И. Очерки по истории современного научного мировоззрения // Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М.: Наука, 1981. С. 32–172.
15. Гелен А. Образ человека в свете современной антропологии // Личность. Культура. Общество. 2007. Вып. 3 (37). С. 37–51.
16. Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада. Киев: Ирис; СПб.: Алетейя, 1998. 623 с.
17. Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994. 544 с.
18. Гумилев Л. Н. Струна истории. М.: Айрис-пресс, 2011. 608 с.
19. Гумницкий Г. Н. О предмете философии. Иваново: Ивановский инженерно-строительный институт, 1992. 19 с.
20. Гумницкий Г.Н. Смысл жизни, счастье, мораль. М.: Знание, 1981. 64 с.

21. Гумницкий Г.Н., Зеленцова М.Г. Понятие человечности в общей морали // Философия и общество. 2008. № 3. С. 20–31.
22. Иванов Вяч.Вс. Наука о человеке. Введение в современную антропологию: Курс лекций. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2004. 196 с.
23. Иванов Вяч.Вс. Потом и опытом [сборник стихотворений, статей, эссе и переводов]. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2009. 352 с.
24. Казначеев В.П., Трофимов А.В. Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля: Проблемы космопланетарной антропологии. Новосибирск: Наука, 2004. 312 с.
25. Козьло П. На берегу Рио-Пьедра села я и заплакала. Киев: София; М.: ИД «София», 2003. 208 с.
26. Лихачев Д.С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. В 3-х т. СПб.: Издательство АРС, 2006.
27. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
28. Лотман Ю.М. Чему учатся люди. Статьи и заметки. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2009. 416 с.
29. Моисеев Н.Н. Быть или не быть человечеству. М.: Ульяновский Дом печати, 1999. 288 с.
30. Моисеев Н.Н. Не вижу людей, с которыми можно разговаривать // Эксперт. 1998. № 24 (141). С. 77–79.
31. Моисеев Н.Н. Современный рационализм (Modern rationalism). М.: МГВП «КОКС», 1995. 376 с.
32. Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. М.: Устойчивый мир, 2001. 200 с.
33. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М.: Мол. гвардия, 1990. 351 с.
34. Назаров А.Г. Проблемы эволюции в произведениях В.И. Вернадского // Вестник РАЕН. 2003. Том 3. № 1. С. 25–34.
35. Ошо Книга мудрости: Беседы о «Семи принципах тренировки ума» Атиши. СПб.: ИГ «Весь», 2008. 624 с.
36. Печчеи А. Человеческие качества. М.: «Прогресс», 1985. 312 с.
37. Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков. СПб.: Алетейя, 2000. 349 с.
38. Пирс Ч. С. Начала прагматизма. СПб.: Алетейя, 2000. 316 с.
39. Плёснер Х. Ступени органического и человек // Проблемы человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 96–151.
40. Раков В. П. Меон и стиль. Иваново, 2010. 448 с.
41. Семенова С.Г. Паломник в будущее. Пьер Тейяр де Шарден. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2009. 672 с.
42. Смирнов Г.С. Интеллигенция и ноосфера: Философско-культурологические проблемы интеллигентоведения. Иваново: Изд-во «Ивановский государственный университет», 2007. 128 с.
43. Смирнов Г.С. Ноосферная история человечества: философско-методологические проблемы эволюции интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2006. № 1. С. 3–21, № 2. С. 4–28.
44. Смирнов Г.С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность. Иваново: Изд-во «Ивановский государственный университет», 1998. 244 с.
45. Смирнов Д.Г. Вселенная знаков: ноосфера versus семиосфера. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 243 с.
46. Смирнов Д.Г. Семиософия ноосферного университета: ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. Иваново: Изд-во «Ивановский государственный университет», 2008. 372 с.
47. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.
48. Степин В.С. Теоретическое знание (структура, историческая эволюция). М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
49. Тарковский А. Ностальгия: Архивы и документы; воспоминания и статьи. М.: АСТ; Хранитель, 2008. 528 с.
50. Тейяр де Шарден П. Божественная среда. М.: Изд-во «Ренессанс» ПС «ИВО-Сид», 1992. 311 с.
51. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987. 240 с.
52. Тойнби А.Дж. Постижение истории. М.: Рольф, 2001. 640 с.
53. Тоффлер А. Футурошок. СПб.: Лань, 1997. 464 с.
54. Флоренский П.А. Письма П.А. Флоренского В.И. Вернадскому // Минувшее. Исторический альманах. 1986. № 1. С. 272–293.
55. Флоренский П.А. У водоразделов мысли. М.: Правда, 1990. В 2 т.
56. Шелер М. Положение человека в космосе // Проблемы человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 31–95.
57. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Symposium, 2004. 544 с.
58. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб.: Александрия, 2007. 423 с.
59. Ivanov Vyacheslav. Towards Noosphere // Candles in the Dark. A New Spirit for a Plural World. Manchester, Seattle and London: New Hampshire Institute of Politics at Saint Anselm College in association with University of Washington Press, 2002. P. 187–205.
60. Le Roy E. Les origines humaines et l'evolution de l'intelligence. Paris: Boivin, 1928. 375 p.
61. Peirce Ch. Collected papers. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1931. Vol. 1. Principles of philosophy. 393 p.

Статья поступила 12.12.2011

Принята в печать 10.01.2012